

The background of the book cover is a romantic illustration of a man and a woman in a garden at night. The man, on the left, has short brown hair and wears glasses, a dark blue shirt, and a patterned tie. He is holding the woman's face gently. The woman, on the right, has blonde hair styled in waves and wears a black lace headband, a black dress, a multi-strand pearl necklace, and black gloves. She has her hand near her face. They are standing in front of a large, multi-story house with lit windows. A stone archway is visible on the right, and a wooden bench is partially seen in the lower right corner. The overall mood is intimate and elegant.

ДИАНА
СОУЛ

ИЛЛЮЗИЯ
ГРЕХА.
Поддельный рай

Когда любовь побеждает власть

Иллюзия греха

Диана Соул

Иллюзия греха. Поддельный Рай

«Автор»

2018

Соул Д.

Иллюзия греха. Поддельный Рай / Д. Соул — «Автор»,
2018 — (Иллюзия греха)

Мир изменился. Теперь суккубы не предмет охоты безумной инквизиции, а дорогие игрушки для развлечения избранных. Города лежат в руинах, но Квартал удовольствий по прежнему процветает, предлагая богачам новый вид развлечений – ночь иллюзий с девственницей-куртизанкой... Я – Лорейн Кристалл Фокс, и только я могу вытащить свою сестру из Квартала. И если для этого мне придется соблазнить неприступного канцлера Деймона Сакса, выкрасть секретные документы и разрушить проклятую систему, я не отступлюсь.

© Соул Д., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Диана Соул

Иллюзия греха. Поддельный рай

Пролог

Некоторые сравнивают жизнь с шахматной партией. Черно-белые фигуры, клетки и строгое движение по неизменным правилам, без возможности смухлевать или отступить.

По мне, сравнение абсолютно неверное.

Жизнь похожа на игру в покер. Подлая, расчетливая, в ней есть место обману, шулерам, и почти невозможно свести партию вничью. Есть только два исхода: выиграть или проиграть.

Вот и сейчас, я сижу за столом, на котором розданы карты для двоих, и поглядываю на оппонента сквозь черную вуаль.

Здесь будет игра не просто на жизнь – на кону стоят судьбы. Моя, сестры и многих других. И пусть ставки еще не озвучены, но выиграть эту партию должна именно я. Любой ценой.

Тонкая лукавая улыбка играет на губах моего противника, а в глазах холодный огонь расчетливости:

– Мисс Харрисон, – обращается он ко мне по поддельной фамилии. Мою настоящую ему знать ни к чему. – Вы ведь понимаете, какие ставки за этим столом? Деньги и ценные бумаги мне не нужны.

Я киваю и улыбаюсь не менее хищно чем он, обнажая кончики белоснежных зубов под ярко накрашенными губами. Игры в трепетную лань сейчас ни к месту...

– Разумеется, хотя я бы предпочла, чтобы вы озвучили их вслух.

– Дорогая Аманда, – к слову, имя тоже не мое. – Вы же не думаете, что я стану вас обманывать и потребую больше, чем положено после выигрыша? Конечно же нет. Все очень просто: если проиграете, эту ночь вы проведете в моей постели, выполняя все, что я захочу.

Если он ждет, что я покраснею, то зря. Я должна сохранять спокойствие.

Медленная затяжка и я отстраняю мундштук с сигаретой в сторону. Дурная привычка, хотя здесь и так накурено, а дым дорогих сигар витает в воздухе сизой дымкой. Как рассказывала Торани, моя приемная мать, когда-то в молодости она тоже баловалась этим делом. Моя же настоящая мать никогда не держала в руках даже пепельницы. По всей видимости, я пошла не по ее стопам.

– Если вас не устраивают условия, дорогая Аманда, вы можете уйти. – Мой противник издевательски смотрит на меня, и во взгляде его читаются сила, презрение, а еще желание указать на место девчонке, осмелившейся бросить ему вызов.

Я ловлю испуганный взгляд Лизабет, она стоит в дальнем углу, затравленно переводит взгляд на меня, а после на того, кто сегодня купил ее в качестве красивого сопровождения на этот вечер. Но ее нынешний хозяин даже не обращает внимания, куда смотрит его приобретение на одну ночь. Он беседует в стороне с другими мужчинами.

В глазах сестры я читаю просьбу отказаться, встать и уйти из-за карточного стола прямо сейчас. Но, увы, не могу. Слишком больно смотреть на тонкий золотой ошейник, инкрустированный бриллиантами и опоясывающий ее шею. Если не всматриваться, можно принять его за колье. Но я точно знаю, что это именно ошейник – символ ее принадлежности Кварталу, а еще тонкая буква “S” вытатуированная под правой ключицей – вечное клеймо плененного суккуба. И если от ошейника можно избавиться, то метка останется навсегда. Когда-нибудь подобная может оказаться и на моем теле...

Это мысль отрезвляет меня и придает сил, в крови вскипает азарт и желание победить.

– Так вы уходите, мисс Харрисон? – повторяет вопрос мужчина.

– Отнюдь. Все как раз наоборот, канцлер Сакс. Только позвольте мне озвучить свое требование.

Его вид становится скучающим:

– Ну же, удивите меня? Золото, деньги, протекции?

Я облизываю пересохшие губы и слегка наклоняюсь через стол, чтобы прошептать:

– Если вы проиграете, я потребую ночь с вами, дорогой Деймон, но уже на моих условиях.

В его взгляде появляется неподдельный интерес. Он берет со стола карты и, даже не глядя в них, отвечает:

– Любопытно! Выходит, проигравших сегодня не будет. Что ж, ставки сделаны, мисс Харрисон, ставок больше нет.

Глава 1

Мир изменился пятнадцать лет назад.

Что я помню из того времени? Если честно, то мало.

Мне и Лизе тогда едва исполнилось шесть, мы постоянно дрались за игрушки, которых было предостаточно, вечно жаловались матери друг на друга, плакались отцу и делили место на его коленях.

Детство казалось легким и беззаботным, таким, каким оно должно быть у двух наследниц владельца нескольких авто- и авиазаводов, миллионера Аластара Фокса. Это позже я узнала, что он мне не родной отец, а тогда это было совершенно не важно. Он приходил вечерами с работы, с радостью играл со мной и Лизой, никогда не делая между нами различий. Мама Торани тоже не делала. Для нее и я, и сестра были свои. Родные. Суккубы.

Мы же с сестрой всегда чувствовали какую-то неправильность, наверное, поэтому и поглядывали друг на друга косо, как соперницы, делящие внимание и подарки. Но в один момент делить стало нечего.

Уже никто не дарил нам новых игрушек, мама перестала улыбаться, а отец все чаще задерживался в офисе, пропадал в командировках и заводах за границей.

Кажется, тогда мы впервые услышали слово – “война”.

Но что такое война для ребенка? Абстрактное понятие, ничего не значащее и абсолютно не страшное.

А потом мы покинули дом у моря и переехали в первый раз. Помню, тогда я и Лиза долго плакали, потому что пришлось оставить любимые игрушки, детскую комнату, резные кровати и маленьких котят, которых недавно родила кошка экономки. В ту ночь мы долго обнимались с сестрой, рыдая друг другу в плечо, а наше “горе” казалось таким всепоглощающим и жутким, самым страшным наказанием на свете. Какие же мы были глупые.

Новый дом был гораздо скромнее отцовского поместья у моря – одноэтажное бревенчатое здание у подножия северных гор в маленькой деревушке. Здесь не было горничных, дворецкого и экономки, все хозяйство взяла на себя мать. Отца в тот год мы и вовсе не видели. Торани говорила, что он занят на заводах, но чем именно умалчивала.

Из-за резкой смены климата, мы с Лизой почти все время болели и с местной детворой не общались. Обида на Аластара гложила нас. Нам обеим казалось, что он бросил свою семью и в этом, в первую очередь мы винили свои детские капризы. Со временем, мы смирились с тем, что отец не придет за нами. Когда же наступила весна, мы только и грезили, что скоро выйдем и начнем играть на улице с мальчишками-близнецами из домика напротив.

Но не случилось.

Однажды ночью за окном послышался звук подъехавшей машины, это был папа. Он разбудил нас с сестрой и предложил сыграть в интересную игру – кто быстрее оденется, пока мама собирает вещи. Разумеется, мы были только за. Любая игра с таким долгожданным отцом только в радость, пусть и очень странная.

Тогда победила Лиза, потому что я зазевалась, пока натягивала пальтишко и смотрела в окно на машину отца. Обычно черный кузов был местами поцарапан, а кое-где даже обзавелся круглыми дырочками.

Мой вопрос: “что это?”, перевели в шутку, и мне это абсолютно не понравилось. Тогда я впервые ощутила недоверие к родителям, ведь они наверняка скрывали.

Мы опять переехали, еще севернее... Тут было даже холоднее чем у гор, но организм уже свыкся. Каждый раз, выпуская меня и Лизу на улицу, мама напоминала нам о новой игре, в которую нужно играть с остальными ребятами.

Нельзя называть своих настоящих имен. Теперь для всех меня звали – Амалией, а Лизу – Брендой. Фамилию Торани нам придумала тоже новую. Сейчас я ее даже не вспомню, потому что в последующие годы был еще с десятков переездов, мы нигде не задерживались дольше трех месяцев, менялись имена и фамилии, статусы. Но самое главное, о чем просила мама, это никогда и ни при каких обстоятельствах не рассказывать о том, что я и Лиза – суккубы. Никому!

В начале, мы не понимали зачем. Ведь до шести лет нас растили с осознанием мысли о нашей уникальности. Когда-то подобные нам прятались, а сейчас мы редкость, настоящая ценность, которой восхищаются и на которую смотрят с необычайным трепетом. Иллюзорные суккубы – последние, почти полностью истребленные церковью и наделенные уникальным даром, но каким именно, детям шести лет не рассказывали. Мама лишь абстрактно подготавливала почву, говоря, что нам дарован талант найти свою настоящую любовь и не перепутать ее ни с чем.

В газетах на главных страницах тем временем печатали фотографии красивых девушек, которые решились раскрыть свою природу. Они мгновенно становились звездами. Светская хроника пестрила новыми именами, и интервью с красотками. Народ пристально следил за судьбами каждой появившейся суккубы, бурно обсуждал случившиеся свадьбы, рождение новых девочек-иллюзорниц, чей статус обещал им жизнь в роскоши и безбедное существование. Я и Лиза грезили, что однажды и наши фотографии тоже появятся на первых полосах газет, и лишь сейчас я в полной мере осознаю всю опасность подобных мечтаний, но тогда таинственность, нагнетаемая матерью, была непонятна, и пусть с недовольством, но мы вынуждены слушались Торани.

Шло время, и в возрасте десяти лет мы понимали уже гораздо больше. Наступало Рождество, я и Лиза беззаботно играли на улице в снежки с другими детьми одного городка на Западе Панема.

Когда во вдальке послышался гул самолета, все замерли. Диковинный летательный аппарат был местным жителям в новинку, многие здесь видели его только на картинках, и только я и Лиза знали, как звучит его двигатель. В те несколько минут, пока гул приближался, мы радовались, думали, что отец прилетел за нами. Ведь именно он с мамой когда-то спроектировал первый самолет, а после собрал на собственном заводе.

Недоумение вызвало лишь отсутствие в крошечном городке посадочной полосы, как же он собирался приземляться?

Но самолет и не думал совершать посадку. У пилота была иная цель...

Первый снаряд упал в двух кварталах от места, где мы играли, второй в сотне метров левее...

Помню, как мы неслись домой, держась с сестрой за руки, а в заложенных от взрыва ушах звенел гул двигателей и стук собственного сердца.

На городок сбрасывали бомбы, уничтожая целое поселение накануне Рождества. Так закончилось мое детство, быстро и резко. Неизвестный пилот выдрал его с корнем. Заставив, на тот момент десятилетних девочек, в одно мгновение осознать ужасы войны, от которой так тщательно пыталась уберечь мать, и спасал отец.

В одно мгновение все стало на свои места: и разговоры других детей, о том что где-то далеко люди убивают других людей, и грустные глаза матери, ее поджатые губы, когда речь заходила о нашем старом доме у моря. Видимо, не было больше того дома... и долгое отсутствие отца. Жив ли он вообще?

Торани нашла нас утром, сжавшихся и сидящих в обнимку, спрятавшихся под обломком магазинной вывески. Она искала всю ночь, и я никогда не забуду ее заплаканное лицо, когда ей все же удалось нас найти.

Впоследствии оказалось, что самолетов было несколько, и всего за несколько десятков минут они превратили почти весь городок в руины. Один из снарядов попал в наш дом. Мать чудом выжила и то только потому, что вышла на улицу, услышав в воздухе знакомый гул моторов.

Помню, как я плакала, задавая ей вопросы, а она не знала, что мне отвечать, ведь Торани не имела ни малейшего понятия, где отец, и куда нам теперь ехать. Денег тоже не осталось, они сгорели вместе с домом. Но мать решила задержаться в городке, хотя бы на неделю. Она была уверена, что Аластар приедет за нами или найдет способ связаться, а если уехать прямо сейчас, то отец попросту потеряет наши следы. Да и бежать было некуда.

А Лиза молчала, она вообще больше не произнесла ни слова с момента, как бомбардировка закончилась. Молчала она даже тогда, когда через три дня на незнакомом автомобиле приехал отец. Сестра посмотрела на него, испуганно отшатнулась, словно не узнав, а после опустила глаза.

К тому времени мы жили в местном госпитале. Каким-то чудом здание больницы уцелело, и мать напросилась туда медсестрой за еду и кров. Когда я и она увидели Аластара, то тоже сперва не узнали.

Отец поседел, некогда черные, как смоль, волосы стали серыми и тусклыми, а взгляд погас. Казалось, он постарел на несколько десятков лет. Огонь в его глазах зажегся, лишь когда он понял, что мы живы и невредимы. В тот день я впервые видела на лице отца слезы...

И мы вновь уехали. Постарались скрыться как можно дальше, пересекли море, пересеживались с корабля на корабль, меняли поддельные документы. И вновь десятки имен и фамилий. Так много, что я сбивалась со счета, каждый раз запоминая их.

Лиза продолжала молчать, Торани сказала, что это из-за испуга. Отец предлагал поискать хорошего врача по старым знакомым, но она отказывалась. Говорила, что это опасно, и слишком велик риск нарваться на предателя. Ни я, ни сестра не понимали, о каких рисках могла идти речь, но на все наши вопросы родители отмалчивались, пока в один прекрасный день я проснулась и поняла – во мне что-то неуловимо изменилось.

Зыбкое странное чувство, кружащее голову, опаляющее щеки и свербящее на кончиках губ. Мне казалось, меня бросает из жара в холод, и я решила, что заболела, пошла жаловаться к матери. Торани лишь мимолетно взглянула на меня, посмотрела на отца и произнесла короткое:

– Я надеялась, что пробуждение случится позже.

В тот день состоялся серьезный разговор. Нас с сестрой усадили за стол, отец расположился напротив, а мать отошла к окну крошечной комнатухи где мы временно ютились и тихо заговорила.

Ее рассказ был долгим. О даре, об иллюзиях, об отношениях, о таинстве любви. О таланте суккубов. Слишком притягательном и опасном. О способностях управлять мужчинами через их желания, узнавать тайны чужих душ, пропуская через себя.

Она старалась подбирать слова, чтобы объяснить нам понятнее, но Аластар попросил говорить как есть.

– Если с нами что-то случится, – сказал он. – Они должны быть готовы ко всему, так что не жалея. Говори, правду.

Опустив голову, она продолжила. Мама говорила долго, а мы боялись перебить ее.

Церковь не зря в свое время опасалась и уничтожала суккубов. Девственная иллюзорница в пике силы – это не просто красивая девушка, талантливо создающая воплощение чужих эротических фантазий, это идеальная шпионка, способная проникнуть в чужой разум и узнать его секреты.

Когда в Панеме разразился энергетический кризис, а магия уже не могла обеспечивать порядок и нужды общества, в стране произошел государственный переворот. Совет Лордов

утратил власть, и их место занял генерал Сакс с приспешниками. Строй рухнул, но военная диктатура быстро восстановила порядок. Ключевые посты были заняты нужными людьми, и в стране временно воцарился покой. Правда, ненадолго.

Энергоресурсов все равно не хватало, а развитие промышленности и индустриализация требовали все большего вливания сил. Магические источники не справлялись, а необходимых природных у Панема не было. Зато они были у Макении – обширные нефтяные и газовые шлейфы, залежи угля, сланца. Именно тогда к отцу впервые лично пришел генерал Оливер Сакс и сделал выгодное предложение. Государственный заказ на тысячи самолетов с оружием на борту: бомбами и взрывчаткой. Он был уверен, что с такой техникой любая война будет выиграна менее чем за месяц без особых потерь среди личного состава. Потери на другой стороне его совершенно не волновали. Цель оправдывала средства. Что есть людские жизни, когда на кону целое Государство.

Отец ему отказал, заявив, что только через его труп самолеты превратятся в оружие.

“– Труп, так труп, – генерал не удивился отказу. – Возможно, даже не один. Насколько помню, у вас две замечательные дочери...”

Именно тогда мать забрала нас из домика у моря и переехала в горы.

А потом было затишье, после которого разразилась буря.

Генерал нашел способы отобрать собственность у отца, выпустил ряд государственных декретов с приказом переоборудовать все частные предприятия под нужды военного дела. Любое сопротивление стало незаконным, но Аластар все равно был против, и простые рабочие его поддерживали. Они ведь тоже прекрасно понимали – подобные меры ведут к войне, которой никому не хотелось.

Тогда-то и произошло первое покушение на отца. Слова Аластара Фокса имели вес, а значит, он был опасен для новой власти.

Я вспомнила дыры от пуль на кузове его машины, и в груди неприятно заныло сердце. Каждая из них могла убить папу.

Отец связался с подпольем, но это не помогло сохранить имущество. Возможно, после полного банкротства нашу семью оставили бы в покое, забыли, как выбывших из игры пешек. Но о людях, подобных отцу не забывают, тем более остался еще один фактор. Я, Лиза и Торани.

Когда война перешла в активную стадию, в ход пошли другие методы. Какой-то умник в Макении додумался подослать генералу Саксу суккубу, хорошо обученную и подготовленную. Девчонке требовалось немного: всего один поцелуй и одна ночь с генералом, для выведывания всех секретов. По слухам, у нее даже почти получилось попасть к Саксу в спальню, но что произошло дальше никто не знал. Утром ее нашли застреленной на окраине города, а генерал издал новый приказ об обязательной регистрации всех суккубов.

Однако военное время диктовало свои законы, никто не хотел возиться с бумажками. Шли сражения, гибли люди, а сильные мира не желали, чтобы им в голову забралась престелная леди, после чего утром отнесла государственные секреты на блюде противнику. Именно тогда суккубов стали не просто ловить, а клеймить позорной буквой “s” под ключицей. Чтобы раздевая очередную девку, какой-нибудь командующий точно знал: перед ним не опасная иллюзорница.

Но даже этого оказалось мало, вскоре всех известных суккубов стали свозить в столицу, в место под названием Квартал. Генерал Сакс решил, что под присмотром наше племя не так опасно, будто насильственного клеймения ему было мало.

Кто-то из ученых даже изобрел специальный тест по крови. Всего одна капля на полоску, и через какое-то время, как на лакмусе, появлялся положительный или отрицательный результат. За каждую найденную иллюзорницу обещали щедрое вознаграждение, именно поэтому наша мама так боялась показывать Лизу врачу. Верить нельзя было никому.

Охота велась непрерывно. И теперь те, чьими фотографиями когда-то пестрели газеты, уже сотню раз пожалели о том, что открылись обществу. Их вырывали из семей, одних или с дочерьми, и увозили в Квартал. Официально – для охраны столь ценных представительниц исчезающего магического вида. Не официально – да кто же такое вслух озвучит.

Ни мой отец, ни моя мать не питали иллюзий. От Квартала нельзя было ждать доброты и снисхождения.

– Вых-х-ходит, т-т-теперь охотятся на нас? – впервые за долгое время заговорила Лиза. Она заикалась, и было видно с каким трудом даются ей слова.

– Да, – кивнул отец и крепко сжал руку матери. – Теперь им не нужен я, им гораздо интереснее вы с Торани. Поэтому мы уедем. Далеко. Как можно дальше, туда, где не достанет ни Сакс, ни кто бы то ни было еще.

– Куда? – спросила я.

– В Арсамаз. Если кто-то и сможет противостоять Панему, то только они. Там у меня еще остались друзья...

С прошествием времени, я поняла насколько пророческими оказались эти слова отца. Арсамазская империя была географической противоположностью Панема. Другое полушарие, полярная во всем. В политике, в обществе, в отношениях к суккубам. Если здесь, когда закончились гонения, подобным нам восхищались и превозносили, то там никакого ажиотажа не возникло. Из-за сурового климата, частых холодов, суровых зим и малых урожаев местному населению было глубоко плевать на чьи-то магические иллюзорные таланты. Больше всего в Арсамазе ценились крепкие руки и трудолюбие. Страна выживала, крепчала и закалялась. Наверное, это было правильно. Гораздо правильнее, чем стремление к зажиточности, лоску и роскоши, поглотившее Панем.

– Их правитель, император Пайрот, прекрасно понимает, что если сейчас не остановить генерала Сакса, то его страна может стать следующей мишенью. Не так давно в Арсамазе обнаружили крупные месторождения нефти и газа, поэтому если не подготовится сейчас, то вскоре война может начаться уже там, – объяснил тогда отец. – Им нужны такие люди, как я и ваша мать. Специалисты по технике, инженеры, ученые. Их правительство готово предоставить убежище, главное – добраться туда невредимыми.

Вот только путь оказался гораздо сложнее и дольше, чем мы предполагали в наших даже самых наихудших опасениях. Планы не срабатывали, люди, которые должны были помочь либо умирали, поймав шальную пулю, либо предавали нас. Дважды мы уходили от погонь, понимая, что нас заманивают в западню.

Несколько долгих лет мы скитались по континенту в поисках возможности переправиться на другой берег мира. Настоящее чудо, что никого из нас не убило за эти годы. А ведь все бывало – и осколок снаряда, угодивший мне в ногу, счастье, что не глубоко, и я полностью оправилась, отделавшись шрамом. Тяжелая пневмония у матери, когда выдалась суровая зима. Так и не прошло заикание у Лизабет. Большую часть времени она молчала, когда же начинала говорить, то каждое слово выжимала из себя с огромным трудом.

На каждой из нас Война оставила свой след.

Мы научились быть очень осторожными, не верить никому кроме семьи. Но чем взрослее я становилась, тем больше в моей голове возникало вопросов. Вопросов, за которые я себя сейчас проклиная и виню. Ведь если бы не они, все могло бы сложиться иначе.

Война подходила к концу, Панем побеждал, а мы по-прежнему пытались найти пути бегства на другую сторону земного шара. Казалось, даже нашли.

Отцу удалось выйти на Соппротивление, точнее на его остатки. Ничего оптимистичного они не поведали, однако удалось связаться с Викторией Райт, старой знакомой родителей, которая уже несколько лет скрывалась в Империи. Она пообещала нам обеспечить нам коридор отхода.

Через несколько дней нас должны были забрать в назначенной точке от берегов бывшего Юга, а теперь Объединенного Панемского Государства.

По странному стечению обстоятельств, днем “Х” был назначен день рождения Лизы, ей как раз исполнялось пятнадцать. Мои пятнадцать отгремели меньше семи месяцев назад, и впервые в жизни я задумалась о некоей нестыковке с датами нашего появления на свет. Как так вышло, что между ними такой маленький срок?

До этого я никогда не задумывалась о вопросах, столь тесно связанных с женской физиологией, а вот в ту ночь что-то щелкнуло. Могла ли быть беременность с Лизой недоношенной? Стопроцентно нет, я ведь помнила портрет беременной матери, где она сидела в кресле-качалке с огромным животом перед родами, а шестимесячная я рядом на руках отца.

Долго ворочалась с бока на бок, пока не выдержала и не растолкала спящую рядом сестру. На все мои вопросы она пожала плечами, но ответить ничего не смогла. Сама не знала.

Хорошо помню, как в лодочный сарайчик, где мы спали на соломенных тюфяках, из дыры на крыше пробивался лунный свет, и я почему-то решила, что ночь самое подходящее время пойти и спросить у родителей.

До сих пор не понимаю, что вело меня тогда. Интуиция, которая спасла нам впоследствии жизнь, или злой рок, из-за которого чувство вины не покинет меня до конца жизни.

Когда я задала свой вопрос, почему между мной и сестрой такая маленькая разница, то не ожидала реакции, которую встретила. Мать смертельно побледнела, а заспанный отец мгновенно проснулся. Черты его лица заострились, и глубокая морщинка залегла меж бровей.

– Давай поговорим об этом, когда будем в Арсамазе. Сейчас не время, – произнес он.

А я физически ощутила, с каким трудом он проглотил комок, застрявший в горле. Сзади подошла Лиза, она куталась в старую шаль. Вообще, она была моей, но мама попросила отдать сестре, потому что та кашляла в последний месяц особенно часто. Учитывая и без того сильные проблемы с голосом, еще больших не хотелось никому.

– Почему не сейчас? – возразила я.

– Сейчас ночь, милая, – голос матери дрогнул. – Да и вообще время неподходящее. Давай позже.

Я нахмурилась. Совершенно определенно от меня что-то скрывали, от раздражения даже ногой топнула.

– Ну что вы в самом деле, неужели сложно сказать? – вспыхнула в тот момент. – Как будто я вам не родная!

Сказала и тут же осеклась, осознав и испугавшись своих слов.

Не родная?

Вскинула глаза на мать, на отца, повернулась к сестре, и дыхание замерло на полувдохе. Не родная.

Да, похожая. Такая же блондинка, как и мама, но... с абсолютно разными чертами лица. У Лизы раскосые зеленые глаза Торани, и прямой нос как у Аластара. Мягко очерченные губы, аккуратный подбородок и ямочки на щеках, когда улыбается.

Мои же глаза голубые, большие, в обрамлении густых черных ресниц. И нос немного вздернут. Кроме цвета волос ничего общего с родителями нет.

Хорошо помню, как отступила на шаг назад, когда Торани пыталась подойти ближе и взять за руку.

– Позволь мы тебе все объясним, – успокаивала она. – Лора, ты все не так поняла!

– Ложь! – мой срывающийся голос зазвенел в собственных ушах, а слезы градом полились из глаз.

Я бросилась прочь из сарайчика на пристани, прямо в ночь. Рыдая и размазывая слезы. Они ввали мне столько лет, не говорили, что я приемная дочь, а кто тогда мне родной? Где мои настоящие родители?

Я бежала куда-то, не слыша криков, звучащих вслед. Не хотела я ничего слышать в тот момент. Глупый юношеский максимализм застилал разум, не давал здраво осмыслить произошедшее. Единственная мысль в голове была лишь о том, что меня обманули.

Внезапно стало казаться, что у Лизы и игрушки всегда были лучше моих, и любили ее больше, и на колени Аластар брал ее чаще, а если Торани рассказывала сказку на ночь, то, целуя в лоб, у сестры задерживалась чуть дольше. Да какая она мне вообще после этого сестра?

Споткнувшись о подвернувшийся камень, я больно упала на землю, содрала ладони и приложила щекой. Попыталась встать, но нога предательски заныла в колене.

– Девочка моя глупая, – догнавшая меня Торани рухнула рядом, попыталась обнять, но я оттолкнула.

Я о чем-то кричала, не желая слышать даже ее голоса. Сквозь пелену истерики пробивался голос Аластара. Он тоже пытался успокоить, но бесполезно, пока не встряхнул за плечи особенно сильно:

– Успокойся, – крикнул он мне в лицо, и я застыла, глядя в его бесконечно серые и грустные глаза. – Ты нам родная, Лора. Пусть не по крови, но мы тебя любим, как родную. Слышишь, глупая ты девчонка! Слышишь?

Я кивнула, все так же не отводя взгляда.

– Мы тебе все расскажем, только, пожалуйста, успокойся и вернись обратно. Ты ведь помнишь, что нам опасно привлекать внимание! Помнишь?

И я снова кивнула и всхлипнула особенно громко.

– А теперь давай встанем и пойдем обратно в домик, – как последнюю точку поставил он, и я подчинилась.

Шла, вздрагивала, смахивала слезы разбитой ладонью, но почему-то второй рукой намертво вцепилась в локоть Торани. Она тоже плакала, но беззвучно. Лишь несколько слезинок скатилось по ее щекам.

– Не пугай нас больше так, – произнесла она, когда мы почти дошли до домика. – Мы сильно испугались, когда ты убежала и тем более так далеко.

– Хорошо, – выдавила из себя я.

Мы зашли обратно в наш сарайчик, внутри которого все сильно изменилось. Тюки сена распотрошенными кучами валялись вокруг, старое колесо, стоявшее раньше у стены, лежало посреди, а вот сестры не было.

– Лиза? – испуганно окликнула Торани.

Ответа не прозвучало, лишь болезненно острый визг со стороны улицы заставил нас вздрогнуть:

– Паааа... – призыв о помощи сорвался и затих, как если бы кричавшей зажали рот.

Мы бросились из сарая наружу, туда, откуда кричала моя сестра.

На другой стороне пристани стоял автомобиль. Именно к нему двое мужчин тащили вырывающуюся Лизу. Из-за расстояния я плохо видела ее лицо, но громкие всхлипы эхом раздавались на таком тихом в этот час причале.

Не раздумывая, я бросились к ней. Плевать, если убьют или застрелят, лишь бы не отдавать.

В этот момент раздался взрыв. Волной меня оглушило и отбросило в воду. Последнее, что помню в ту ночь, как задыхаюсь и тьма накрывает с головою, а сознание уплывает прочь.

Очнулась я через неделю уже в Арсамазской империи. Рядом со мной сидела Виктория Райт, ее лицо я смутно помнила из детства, хоть и не видела уже долгие годы.

– Не говори ничего, – увидев, что я в сознании, произнесла она. – Знаю, что ты хочешь спросить. Твои родители живы, но так же, как и ты, получили серьезные ранения при взрыве. Лодочный домик взорвался слишком близко. Это просто чудо, что вы выжили. Но не переживай, они скоро поправятся.

Я плохо соображала в тот момент, пыталась вспомнить, что произошло. Мои вопросы словно отразились на лице, и Виктория ответила:

– Один из членов Сопротивления сдал вас Саксу. Решил, что если война проиграна, то он сможет перебежать на другую сторону. Мы узнали об утечке слишком поздно, попытались успеть забрать вас раньше, но опоздали. Когда раздался взрыв, кораблю до берега оставался километр. Тебя подобрали из воды. Аластар и Торани лежали на берегу.

Она запнулась.

Мои же глаза округлились.

А Лиза, где моя сестра?

Свой вопрос я задала беззвучно, но Виктория поняла и так.

– Ее не было. Мне очень жаль, похоже, ее увезли в Квартал.

Глава 2

Вечернее платье без рукавов на тонких бретелях смотрелось на мне мешковато. Прямое до колен, с неровной скошенной юбкой и длинной бахромой – оно не нравилось мне ни странным кроем, ни своим кричаще-золотым цветом. Чего стоило одно только глубокое декольте спереди и не меньший вырез на спине.

Дурацкая тряпка! А еще туфельки немного жали, такие же золотистые и не менее дорогие. Я скользнула взглядом по своему отражению в зеркале и нервно закусила губы, густо накрашенные алой помадой. Я вообще была при слишком ярком макияже, по мне вызывающе безвкусном, но таком необходимом. Ибо так модно, так требует легенда. В Арсамазе хотели, чтобы ради миссии я и волосы остригла коротко, почти по самый подбородок, но свои длинные локоны я отстояла с боем. Зато теперь голова ныла от замысловатой тугой прически, которую придется делать едва ли не каждый день.

Из соседней комнаты вышел Артур. Он как раз повязывал галстук хитрым узлом, а заодно проверял, как я собралась.

– Хм, – многозначительно издал он, осмотрев меня с ног до головы. – Чего-то не хватает...

– Серьезно?! Не хватает? – заломила бровь, повернувшись, и саркастично, даже немного зло, поинтересовалась у блондина. – Мне кажется, я похожа на разряженную елку. Неужели мода в Панеме действительно настолько поменялась?

– В Государстве, – мягко поправил он. – Панемом его никто не называет уже много лет, примерно с тех пор как закончилась война.

Я гневно сверкнула глазами. Это официально она закончилась. По мне же, временно утихла в ожидании нового толчка. Сейчас этот крупный гигант немного переварит ресурсы, полученные в Макении, поднимет еще выше промышленность, а после вспомнит, что за океаном есть не менее лакомый кусочек – Арсамаз.

– Лорейн, сделай лицо попроще, – Арти подошел сзади и мягко положил руки на мои обнаженные плечи. По спине невольно побежали мурашки. Взгляд его голубых глаз через зеркало обвел мою фигуру, а губы изогнулись в доброй усмешке. – Ты ведь помнишь легенду и свою линию поведения? Повтори.

Стараясь успокоить дыхание от столь близкого нахождения Артура рядом, я заученно произнесла:

– Меня зовут Аманда Джейн Харрисон. Ты Грегор, мой старший брат. Мы дети богатого помещика с Юга Государства – Томаса Харрисона, поставлявшего в войну провизию войскам Сакса и за счет этого превратившего свое относительно небольшое хозяйство в целую империю по производству тушенки и прочей консервации. В общем, вовремя подсуетился папашка, – в моем голосе прозвенели злые нотки.

– Меньше сарказма, – наставительно заметил Артур. – Он же твой любимый папочка, а ты золотая дочурка, которой он ни в чем не отказывает.

Я поджала губы. Играть роль прелесть какой идиотки мне не нравилось, но было нужно. Только такая, прости Господи, дрянь, могла легко запрыгнуть в койку к тому, к кому надо.

– А еще он припрятал нас во время войны, чтобы уберечь, – продолжала я, – подальше от боевых действий на какой-то райский островок посреди океана, где мы успешно отсиделись и только год назад вернулись в дом на Юге. Там ты стал помогать отцу в делах, а я сидела под присмотром компаньонки. Днем скучала за невинными девичьими развлечениями, а вечерами сбегала и отплясывала на вечеринках.

Артур кивнул, соглашаясь.

– Все так, дорогая сестрица, все так, – и тут же переключаясь, добавил: – И все же чего-то не хватает.

Его руки соскользнули с моих плеч и он задумчиво вышел из комнаты, а из меня словно стержень вытащили. Я подошла к пуфу у макияжного столика и со вздохом опустилась на него.

Конечно же вся моя легенда была редкостной фикцией, и, если копнуть поглубже, рассыпалась в пух и прах. Посылая меня сюда, в Панем, глава разведки Арсамаза – Огюст Франц – очень надеялся, что глядя на мою милую мордашку никто этим попросту не станет заниматься. Да и зачем бы? Ведь прикрытие изначально у меня было все же весьма достойным.

Скотина Харрисон-старший действительно помогал Саксу в военной кампании. Он переметнулся одним из первых на его сторону, да и вообще оказался редкостной сволочью без принципов. Единственное, что он ценил – были семья и дети. Его жена Джейн умерла через год после рождения дочери, то бишь меня. И папочка души не чаял в золотоволосой крошке, поэтому, когда началась война, не раздумывая отправил детей в самое безопасное место. Куда подальше – на уединенный островок.

Но уже под самый конец войны судьба воздала ему по заслугам. Не знаю, как так вышло, но райское укрытие подверглось авианалету своих же. В тот день погибли настоящие дети Харрисона. А у богатейшего к тому времени помещика что-то перевернулось в голове. Тут-то и подсуежилась разведка Арсамазской империи, и пока история со смертью детей не предалась огласке, быстро перевербовали нужного им человека. Томасу Харрисону подарили возможность отомстить, попросив о некотором содействии. И несколько лет он послушно выполнял мелкие поручения, пока год назад его не попросили об особой услуге – вывести в свет двоих, парня и девушку. Лучшим для этого была признана легенда выдать их за детей Харрисона. Артур рассказывал, что “папашка” был очень зол, когда его и Флору представили Томасу, сказав, что теперь это его дети. Он не хотел предавать память о настоящих Аманде и Грегоре, но его мнение, разумеется, продавили.

Операция шла своим чередом, и целый год Артур жил здесь, в Панеме. Играл положенную ему роль вместе с Флорой, которая должна была бы быть сейчас на моем месте, если б не несчастный случай. С очередной бурной вечеринки золотая девочка не доехала и месяц назад влетела на папочкином автомобиле в дерево, разбившись насмерть и подставив спланированную операцию под угрозу...

В комнату вернулся Артур, отвлекая меня от мыслей. В руках у него был тонкий золотистый ободок, увенчанный огромным пером.

– Привстань, – попросил он, подзывая обратно к зеркалу.

Послушалась, подошла ближе. Он поправил выбившуюся у меня из прически прядку и очень аккуратно водрузил импровизированную диадему на голову.

– Вот теперь то, что нужно, – удовлетворился он, подталкивая меня на передний план перед зеркалом, а сам становясь позади. – Взгляни.

Я посмотрела. Но не на себя, а него. Блондин, такой же, как и я, и глаза одинаково голубые. Мы действительно были похожи, словно брат и сестра, кто же знал, что это сходство сыграт однажды злую шутку.

Артур игриво подул мне в макушку, улыбнулся совсем по-братски, так поддерживающе. Всегда так делал, с первого дня знакомства – шесть лет назад...

– Ты главное не бойся и помни, что я рядом. Если что-то пойдет не так, я тебя вытащу. В лепешку расшибусь, но вытащу.

Я кивнула. Сердце бешено колотилось в груди. Хотелось прикрыть глаза, попросить обнять покрепче, пускай даже по-дружески, и никуда не идти. Мне было страшно. Не меня готовили к этому заданию, а Флору – обычную человеческую девушку, без капли магии, но такуюмышленную и готовую, если понадобится, дойти даже до постели. Мне же это не доступно.

Вот только и выбора особого не представилось, никто кроме меня не справится.

– Твоя цель – Деймон Оливер Сакс и всего один поцелуй с ним, – голос Арти все же выражал неодобрение плану. Он был против того, чтобы ехала я. Поддержал моих отца и мать. – Узнаем код от сейфов и ячеек, заберем планы и покинем страну.

Я кивнула и невольно крепче прижалась к нему. На обнаженной коже плеч возникли мурашки, то ли от холода, то ли еще от чего-то.

Так просто Панем я все равно не покину. Уже сейчас знала, что без сестры точно не уеду. Я должна была найти способ вытащить ее из Квартала

– Итак, повторим еще раз, кто ты и что должна делать, – Артур легко развернул меня к себе и пристально посмотрел в глаза. Я же задержала взгляд на его губах и нервно облизала свои, почувствовав противный вкус помады. Ненавижу ее.

– Я – Аманда Джейн Харрисон, должна соблазнить сына умершего полгода назад генерала Сакса, канцлера Деймона. Выкрасть чертежи военных разработок, протоколы совещаний, планы и стратегические выкладки.

– Он еще не канцлер, лишь временно исполняющий, как наиболее приближенный к отцу человек, – поправил Артур. – И может им никогда не стать, если совет поддержит другую кандидатуру. Но, думаю, ему понравится, если ты будешь обращаться к нему именно так.

Кивнула. Прелесть какой дурочке и не такое могут простить, главное улыбаться.

Артур взглянул на часы, стоявшие в углу комнаты, и покачал головой.

– Опаздываем. Нужно ехать, ежегодный аукцион вот-вот начнется. Главное помни, что я рядом, и постарайся сохранять лицо, что бы не увидела.

Проглотила накатывающий комок горечи в горле и, стиснув зубы, прошептала:

– Буду улыбаться, братик, обещаю. Что бы не произошло.

– Тогда поехали. Сегодня в Квартале не будут ждать никого.

* * *

Интересно, что бы сказала Торани, увидев сегодняшний Квартал? Изменился ли он? Что пропало, а что появилось?

За прошедшие шесть лет, что мы прожили в Арсамазе, она редко откровенничала со мной на эту тему. Разве что в последние дни, когда стало понятно – в Панем поеду я, а не кто-то другой.

Каково ей было отпускать меня сюда? Тоже не представляю. Будь возможность, она бы давно отправилась в Столицу сама на выручку Лизе. К слову, в первый год Торани несколько раз ловили на попытках угнать самолет и отправиться обратно.

Аластар ловил. Убеждал ее мыслить здраво и не делать глупостей. Все знали, что до восемнадцати Лизу никто не тронет даже в Квартале. Как суккуба она будет не интересна местной клиентуре, а вот после – как повезет. А вот Торани опознали бы в лицо очень быстро, уж слишком известной личностью она была в свое время.

За рулем машины сидел Грегор. Я старалась даже мысленно так называть Артура, хоть и получалось это не всегда.

Мы как раз подъезжали.

– Это Квартал, – произнес он, останавливаясь у закрытого шлагбаума. – Раньше тут была проходная улица, а теперь территория закрыта. Вход только по специальным пропускам или приглашениям. Как у нас.

Он достал из внутреннего кармана продолговатый прямоугольник золотистого цвета, опустил боковое стекло и протянул подошедшему охраннику. Тот кивнул и махнул кому-то на пропускном пункте, разрешая открыть проезд.

Улица казалась пустынной, словно все вымерли. Аккуратные домики, ухоженные клумбы, подметенные дорожки, подстриженные газоны и лужайки. Вот только света внутри, несмотря на сумеречный час, не было.

– Так тихо... – протянула я, невольно ежась от столь странной обстановки. – Я думала, здесь будет оживленнее.

– Там куда едем, будет очень оживленно, – сквозь стиснутые зубы ответил Арти, ему происходящее не нравилось не меньше чем мне. – Сейчас все там, готовятся к аукциону.

При очередном упоминании мероприятия меня передернуло. Только в таком, погрязшем в крови, разврате и вседозволенности, Панеме могла возникнуть идея проведения подобного. Торги за девственность суккубы.

Непомерно дорогие. По цене сопоставимые с годовым бюджетом провинции, оттого и пользующиеся такой популярностью. Разумеется, покупали не всех. Аукцион проводился раз в год, и выкупалось хорошо если одна-две девушки.

А дальше... Дальше как повезет. В любом из вариантов утром суккуба становилась обыкновенной девушкой, лишенной магии и поэтому не нужной, зато очень богатой. Бывшие хозяева не жалели денег для бывших игрушек.

В общем, так себе билет на свободу. Собственно говоря, единственно возможный билет на свободу. Либо мертвой, либо лишенной сил.

Тут даже у суккубов было подобие выбора. Кто-то стремился продать себя и выбраться из Квартала скорее, кто-то же не терял надежды и ждал чудес и возможность обрести свободу не через постель. Молился, чтобы никто из богачей никогда не заинтересовался ими настолько, чтобы купить.

– Лишь бы только Лизу не купили, – пробормотала вслух я.

Артур услышал, снял одну руку с руля и ободряюще погладил мою, лежащую на коленях и перебирающую бахрому от платья.

– Думаю, пока ей ничего не угрожает. По крайней мере, не в этот год. Лизе еще не набили полную цену.

Я кивнула. Головой я это понимала, но вот чувства... Особенно вина, засевавшая глубоко в груди, так и не давала успокоиться. Все могло сложиться иначе, не закатаи я тогда истерику, и останься мы все в сарайчике с лодками. У Аластара ведь был револьвер, вместе мы могли бы отбиться. Ну или... схватили бы нас тоже всех вместе.

– А главное, не выдай себя. Ты ведь прекрасно понимаешь, что поговорить с Лизой у тебя не получится.

Кивнула.

– Даже если она тебя узнает, то будет молчать. Я навел некоторые справки, Лизабет вообще не разговаривает с тех пор, как попала в Квартал, все считают ее немой. Что весьма выгодно.

Об этом я тоже была в курсе. Все же глупой Лиза не была никогда. Да, более мягкая, чем я, возможно, даже более добрая, чем я, но не глупая. На ее месте я бы тоже молчала, тем более, после перенесенного испуга и не прошедшего сильнейшего заикания, язык жестов она выучила в совершенстве.

Машина остановилась у огромного четырехэтажного здания. Здесь, у роскошного особняка стояли десятки не менее роскошных машин. Изнутри лилась музыка, громкая, режущая слух взвизгами труб и саксофонов. В доме явно царило веселье.

Настоящее ли?

Артур помог мне выбраться из машины, а заодно накинул на голые плечи пушистое боа из перьев. Весьма предусмотрительно со стороны брата подумать заранее, чтобы любимая сестренка не замерзла.

Я все же поежилась, больше от неуютности ситуации, чем от вечерней прохлады. В этом наряде ощущала себя почти голой: отсутствие бюстгальтера сверху, чтобы не торчал из-под выреза декольте, тоненькие чулочки снизу на подвязках и, собственно, платье. Черт бы побрал эту моду! Мне гораздо больше нравились женские костюмы, в которых ходили пятнадцать лет назад. Изящные силуэты, подчеркнутые корсетами, женственные изгибы. Сейчас же блестящая мешковина, превращающая фигуру в плоский прямоугольник. Разве что грудь мою даже такой крой не скроет, но это скорее плюс для будущей операции. Надеюсь, Деймон Сакс купится на мои излишние женские прелести и не обремененное интеллектом личико. По справкам, именно таких он и любит...

Я шагнула на первую ступеньку огромного дома, и игра началась.

Двери приветливо распахнулись, тут же оглушая звуками музыки, льющейся изнутри, смехом и приторным весельем.

– Ваш пропуск, – потребовал стоящий в дверях дворецкий и, лишь получив от брата золотистый прямоугольник, отступил на шаг, пропуская вперед. – Приятного отдыха и удачных торгов.

– Благодарю, – улыбнулся ему Артур, подхватывая меня под локоть...

Улыбалась и я. Еще бы, ведь сегодня мой первый выход в свет. Еще недавно я, дочь Томаса Харрисона, прозябала на Юге, скучая на местных вечеринках, отплясывала там, как могла и выпрашивала у папочки поездку в столицу. Потому что я – выгодная невеста на выданье. Пора бы мне и женихам показаться, выбрать себе побогаче и постатуснее.

Изначально в Арсамазе сомневались, стоит ли первое появление в высшем обществе Аманды Харрисон совершать в таком сомнительном месте, как Квартал. Все же еще двадцать лет назад ни одна приличная девушка и помыслить не могла даже стоять рядом с публичным домом, но нравы изменились. И теперь пребыванием здесь в качестве гостя, никого не удивишь. Подобным можно было скорее хвастаться, чем стесняться. Это престижно и дорого, особенно попасть на Аукцион суккубов.

Я огляделась по сторонам. В холле, на лестнице, по углам – всюду стояли незнакомые мужчины и женщины, о чем-то переговаривались, многие курили. Мужчины сигары, женщины изящные длинные трубки. Вспомнила, что по легенде тоже курю. Точнее, Флора курила, я же только неделю назад сделала первую затяжку и тут же закашлялась с непривычки. Что ж, хочу я того или нет, но мне придется соответствовать.

Вокруг сновали официанты, разносящие напитки. С удивлением поняла, что спиртные. А ведь алкоголь был официально запрещен по всему Государству. За его продажу можно было получить солидное наказание. Но здесь, в Квартале, где собралась вся верхушка общества, он лился рекой. Какое лицемерие. А ведь не напейся тогда Флора, и меня бы здесь не было.

Мы шли по гудящему весельем, как рой пчел, зданию. Артур здоровался с какими-то людьми, приветливо кивал одним или вежливо кланялся другим. Меня лично он пока никому не представлял, видимо, счел ненужным. По легенде, в этой среде брат крутился почти год, поэтому знал, к кому и как обращаться. Я же могла только улыбаться и строить из себя золотую дочурку богатого папочки. Например, каждого официанта провожала брезгливым взглядом, как низшее существо, не достойное моего внимания.

– Переигрываешь, – в какой-то момент шепнул Арти. – Моя сестра, конечно, та еще стерва, но не настолько.

Я мимолетно кивнула, и также шепотом спросила:

– А где все суккубы? – За то время, что мы бродили по дому, сестру я так и не встретила, как и не увидела ни одной недовольной или затравленной девушки. – Их потом приведут, перед торговыми?

– Так вот же, – «братик» кивнул на стоящую в двух метрах рыжую особу. Она мило щебетала с какими-то толстяком, громко смеялась над его шуточками и периодически подносила

ко рту тонкий изящный мундштук. Ее руки были унижены кольцами и золотыми браслетами, а декольте украшали длинная нить жемчуга и тонкий, под самую шею обруч с инкрустацией мелких камней. Барышня выглядела цветущей и очень богатой.

Ну очень богатой.

– Ты уверен? – также тихо переспросила я. В моей голове не вязались образы запертых в Квартале узниц и этой вполне удовлетворенной жизнью барышни.

– Да. Она же в ошейнике.

Я проследила за взглядом Артура до того самого обруча с бриллиантами и гулко сглотнула, когда более цепкий взгляд узрел букву “s” под ключицей – побелевший от времени шрам, теперь едва заметный, если не приглядываться. Но он все же был.

Мгновение, и я осознала весь ужас увиденного. Незнакомая рыжая жила в Квартале уже не первый год, раз след от клейма почти стерся. Передо мной стояла одна из самых первых пойманных.

Уже новым взглядом я обвела гостиную, в которой оказалась. То тут, то там взор цеплялся за молоденьких девчонок с такими же драгоценными ошейниками. И не было в них болезненной худобы, присущей пленницам, страданий в глазах или другого недовольства.

– Но как же...

– Если ты думала, что их пытаются и морят голодом, то ошибалась, – прояснил Артур. – Все ровным счетом наоборот. Лучшее питание, одежда, украшения. Суккубы в Квартале не нуждаются ни в чем. Их берегут, как лучших курочек, несущих драгоценные яйца. Почти рай.

– Но ведь у них нет свободы, – возразила я. – Нет права уйти, любить или не заниматься тем, чем они тут занимаются. Торговля иллюзиями, торговля телом...

– А я и не говорил, что рай настоящий. Здесь все искусная подделка: и улыбки на лицах и фальшивый блеск в глазах.

– Поддельный рай... – пробормотала себе под нос, понимая, что уже сама как несколько минут не улыбаюсь. А ведь положено.

Схватив у пробегающего мимо официанта вытянутый бокал с лимонадом, сделала большой глоток и тут же поперхнулась, скорее от неожиданности, чем от вкуса. Шампанское!

Перед поездкой меня знакомили с разным алкоголем, чтобы знала на вкус и не опростоволосилась в случае чего, но вот к тому, что опробую его столь быстро и неожиданно, я была не готова. Все же закашлялась, давясь пузырьками.

Артур заботливо похлопал по спине.

– Леди плохо? – возник за спиной незнакомый голос.

Сердце екнуло, и мы с братом обернулись.

– Мистер Кранмерд, – поприветствовал Артур. – Рад вас видеть!

– И я вас, Грегор, – перед нами стоял высокий, лет тридцати, мужчина в дорогом фраке. Его ржаво-рыжие волосы топорщились короткой стрижкой, а подкрученные усики над тонкими губами придавали лицу заливчатый вид. Удивительным казались его брови – абсолютно белесые, почти прозрачные, словно у альбиноса, отсюда и взгляд его казался мутным и липким. – Вы не представите меня своей спутнице?

– О да, конечно, – засуетился брат. – Знакомьтесь, это моя сестра Аманда. Аманда – это мистер Фредерик Кранмерд, председатель совета управления Объединенного Панемского Государства.

«Такой молодой, – мелькнуло у меня. – А уже председатель. Впрочем, его внешность могла быть обманчивой. Он вполне мог начать свою карьеру еще с генералом Саксом, пятнадцать лет назад».

– Большая честь для меня, мистер Кранмерд, – я расплылась в очаровательной улыбке и протянула ладонь для рукопожатия, как и положено любой современной девушке.

– Для вас просто Фредерик, очаровательная мисс, – он взял мои пальчики, невесомо перевернул ладонь и приник к ней губами.

Руку захотелось выдернуть, а после и вымыть с мылом. Сдержалась. Отчего-то этот тип вызывал у меня в душе шквал антипатии. Но вместо этого я еще радостнее заулыбалась. Еще бы, ведь мне оказал внимание ни кто-нибудь, а сам председатель Совета! Для девушки на выданье – это огромное подспорье.

– Вы так любезны, Фредерик, – с ходу подхватила я, замечая, как его взгляд уже всюду ползает у меня в декольте. – Я так рада, что мы познакомились.

– Польщен и рад не меньше вашего, надеюсь, когда-нибудь нам даже удастся продолжить знакомство за чашечкой утреннего кофе или хотя бы игры в преферанс, – его сальная улыбка меня бесила. – А пока же, прошу простить, – он совершил легкий поклон, – вынужден покинуть вас, скоро начнутся торги.

Он отошел, а я еще несколько долгих секунд следила за его рыжей, удаляющейся шевелюрой.

– Держись от него подальше, – шепнул Артур. – Опасный тип.

– И почему я сама об этом догадалась.

– Он метит на место канцлера и является основным конкурентом Сакса. Если мы планируем подобраться к одному из них, то близкие знакомства со вторым могут только помешать.

– Поверь, заводить “близкие” знакомства с “вот этим”, я не собиралась, а уж тем более оставаться на “утренний кофе”, – процитировала я адресованное мне предложение продолжить знакомство.

Уж, увольте! Это Флора могла поддерживать репутацию отдыхающей как попало богатой девчонки. Что поделать, если женская девственность в нынешнем обществе скорее недостаток, чем достоинство. Мне же подобное недоступно, а прибегать лишний раз к способностям не хотелось. Да и вообще, чем реже я буду использовать свою силу иллюзорницы, тем безопаснее.

Артур неожиданно придержал меня за локоток, уставившись куда-то за мое плечо.

– А вот и Деймон Сакс, – одними губами прошептал он. – Соберись, крошка Лю, он прямо за твоей спиной.

Оборачиваться не спешила. Все же мне требовалась пара мгновений, чтобы собраться с мыслями, вспомнить все, что мне рассказывали о нем, еще раз представить перед собой его единственное фото, которое показали.

Деймон Оливер Сакс – приемный сын генерала, захватившего власть в Панеме, начавшего войну и укравшего у меня детство. Наверняка у Деймона, в отличие от меня, не было травли и сотен переездов из одного конца страны в другой. В моем воображении, он, подобно маленькому принцу, восседал на золотом троне империи, созданной его приемным отцом, ни в чем не нуждался, не жил впроголодь, не боялся, что однажды на голову упадут бомбы.

Его мать вышла замуж за Сакса, когда Деймону едва исполнился год, своих детей у генерала не было, но он так любил свою жену, что вскоре усыновил ее ребенка. Где настоящий отец мальчика было неизвестно. Вообще, биография его матери, Кэролайн, по данным разведки Арсамаза, оказалась чудесным образом стерта, и ничего конкретного из ее прошлого выяснить не удалось. Разве что едва началась война, она возглавила Квартал. Станный выбор работы для женщины ее положения, но несколько лет под ее предводительством самый дорогой публичный дом страны вполне успешно существовал. Ровно до тех пор, пока она таинственным образом не умерла. Языки шептались, что ее мог убить и сам Сакс, но тут же отмечали, любил он эту женщину безумно. А спустя полгода генерал пристрелил посланную к нему суккубу и придумал Кварталу новое назначение, немногим отличное от старого, а всех человеческих куртизанок из Квартала выгнал на улицу, подарив свободу. Поговаривали, что большинство не хотело уходить, так и стояли на улице с чемоданами, просясь обратно, потому что и идти, собственно, было некуда...

Деймону на тот момент было всего девять.

Дальше растил его только Сакс. Дал достойное образование, рано начал посвящать в свои военные дела, уже тогда начиная готовить приемника. Не рассчитывал генерал только на одно: что умрет так рано. Сейчас младшему Саксу, как и мне, был всего двадцать один год. Мальчишка по меркам политики.

Таким он выглядел и на фото, где ему четырнадцать. Долговязый, худощавый, с тонкой шеей, словно у цыпленка, и непропорционально большой головой. Казалось, толкни – переломиться. Красоты не добавляли и очки, даже за ними глаза продолжали щуриться не то от сильной близорукости, не то от вспышки фотоаппарата. Висел на худой фигуре и дорогой черный костюм. Складывалось впечатление, будто генерал Сакс поиздевался над сыном, выдав одежду на три размера больше. На деле же сам Деймон выглядел до безобразия несуразно и болезненно.

Интересно, насколько гаже и противнее он стал за прошедшие годы? При мысли, что мне однажды придется его поцеловать, на коже рук возникли мурашки. Не то чтобы мне было особенно мерзко, но если была бы возможность, я постаралась бы этого не делать.

Настал момент истины. Я приосанилась, нацепила на лицо самое счастливое и глупое выражение из всех возможных и обернулась.

Обвела взглядом представший перед взором людей: щебечущую парочку, несколько джентльменов с сигарами, излишне громко хохотавших дам, прошедших мимо и обдавших меня запахом дорогих духов. Но не было Деймона Сакса.

– Ну и где же? – я вновь обернулась и вопросительно уставилась на Артура.

– За колонной, в тени. Сейчас пройдем мимо, и ты увидишь. Только не пялься так откровенно. Это выглядит странно.

Его рука обняла меня за локоть, и мы вальяжно двинулись вперед. Я опустила взгляд, чтобы из-под ресниц поглядеть в сторону колон.

Он стоял один. Совершенно один. В роскошном черном костюме, белоснежной рубашке и строгом галстуке-бабочке. Деймон Сакс скучал.

Изучающе и одновременно отстраненно он смотрел вперед, опираясь спиной на стену, скрестив ноги и расслабленно сложив на груди руки. В правой лежала трость, и зачем она ему только нужна, а левая поигрывала пальцами по локтю, словно в нетерпении. Квадратные стекла очков поблескивали в темноте, отчего полуулыбка на четко очерченных губах казалась такой загадочной.

А скулы, именно о таких говорят, что можно порезаться.

Гадкий утенок с фотографии семилетней давности исчез. Сейчас я словно разглядывала совершенно иного мужчину. Выше, мускулистее, с приятным разворотом плеч и такого опасно-притягательного.

Самое время пускать в ход женские чары. Но и с какой стороны подступиться к младшему Саксу я тоже не представляла. Брат познакомить меня с ним не мог, ибо и сам знаком не был, оставалось только импровизировать.

Отцепившись от Артура, я подхватила у пробегающего мимо официанта еще бокальчик шампанского, щедро отпила и не самой ровной походкой двинулась к колоннам. Там у стеночки, в метре от Деймона, как раз виднелся подходящий диванчик.

– Как же жарко, – простионала я нарочито громко, откидывая боа с шеи, а заодно еще больше обнажая декольте. – И невыносимо душно.

До заветного дивана оставались метры, до младшего Сакса и того меньше. Он скосил на меня любопытный взгляд. Пристальный, цепкий, прошибающий насквозь.

Меня повело в сторону, ноги заплелись. Я попыталась удержаться рукой за ближайшую колонну, но, разумеется, не вышло. Выронила бокал с шампанским, который тут же вдребезги

разлетелся под ногами. Сделала еще один шаг и лишилась чувств. Прицельно. В сторону канцлера. Так, чтобы упасть, и быть пойманной сильными руками.

Падала и очень рассчитывала, что меня все же подхватят.

Не подхватили. Больно стукнулась коленями об пол и, словно мешок с овощами, свалилась Саксу под ноги. Осоловело открыла глаза и заморгала, до конца еще не осознавая, как этот гад даже не дернулся мне помочь.

Зато сейчас он насмешливо взирал сверху вниз, а после нарочито медленно присел на корточки. Склонился так низко, что я увидела все мелкие черточки на его насмешливо вытянутых губах:

– Оригинальный способ знакомства, но вы не первая, кто умеет так театрально падать в обмороки, – весьма ехидно отметил он. – Не знаю вашего имени, мисс, но, надеюсь, до дивана вы дойдете сами.

Я задохнулась от гнева, хотела что-то возразить, но здравый смысл сдерживал меня. Дать оплеуху канцлеру на таком приеме было бы весьма опрометчиво. Я беззвучно хватала ртом воздух, не зная что делать дальше. Ситуацию спас Артур:

– Аманда, – он бросился ко мне на помощь. – Что случилось? Ты упала?

“А это разве не очевидно?” – хотелось огрызнуться скорее от бессилия, чем от настоящей злобы.

А вот на лице проступили настоящие слезы запоздалой боли. Артур помог мне встать, в то время как канцлер все так же сохранял молчание, лишь наблюдая со стороны.

– О Боги, Аманда. Твои ноги, они в крови!

Я взглянула вниз, понимая, что непросто ударилась коленями, а разрежала кожу и чулки в десятках мест, упав на разбитое стекло. Мелкие и глубокие ранки кровоточили, а я с подвыванием попыталась сделать первый шаг. На Деймона теперь смотрела искренне ненавидяще.

Артур подхватил меня на руки и сам отнес к дивану, усадил и сам сел передо мной, разглядывая поврежденные ноги.

– Нужен врач, – с сожалением констатировал он. – Некоторые раны очень глубоки. В Квартале есть врач?

Брат обернулся на Деймона, делая вид, что не узнает.

– Вы бы не могли послать за доктором для моей сестры?

Канцлер недовольно поджал губы, я же продолжала всхлипывать и мелко трястись. Было действительно больно. Конечно, не так больно, когда осколок от снаряда попадает в твое тело, но от этого осознания сильно легче тоже не становилось.

– Все еще думаете, что я упала специально? – сквозь слезы бросила этому надменному скотине. – Или все остальные, театрально падающие, тоже потом оставляли следы крови на роскошных паласах?

А кровь действительно была. Мелкие капли в том месте, где упала, уже успели впитаться в короткий ворс.

– Так вы позовете врача? – прикидываясь растерянным ситуацией, продолжал настаивать Артур. – Или побудете с сестрой, пока я сбегаю за доктором?

– Не надо доктора, – сквозь сжатые зубы процедил Деймон и сделал шаг ближе. – Обойдемся без них.

Он вновь присел передо мной на корточки, отложил трость в сторону и внимательно оглядел разбитые ноги. Совсем не так, как обычно любуются девичьими стройностями, это был сухой расчетливый и сосредоточенный взгляд.

Сакс поднес свои ладони на расстояние нескольких сантиметров над моей кожей и прикрыл глаза. Я видела, как за стеклами его очков мелко подрагивают веки от напряжения.

– Что вы делаете? – возмутилась и тут же осеклась.

Его ладони скользнули вниз, оставляя за собой чистую кожу, без следов ран. Лишь в одном месте его руки задержались особенно долго, там, где осколок стекла впился слишком глубоко.

Я открыла рот в изумлении, не в силах произнести ни слова. Деймон Сакс все так же невозмутимо поднялся, подхватил свою трость и с присущей ему надменностью заявил:

– Скажем так, это было вместо “извините за ошибку”.

Я молчала, вместо меня в благодарностях рассыпался Артур.

– Вы – наш спаситель! Не знаю о каких извинениях идет речь, но признательность нашей семьи не будет иметь границ. Если что-то понадобится, обращайтесь. К слову, мы незнакомы. Грегор Томас Харрисон, – Артур протянул сыну генерала руку.

– Деймон Оливер Сакс, – все так же холодно ответил он, поджимая губы. – Если понадобится, то обязательно обращусь!

У Артура округлились глаза в правдоподобнейшем удивлении.

– Господин канцлер... Это так неожиданно...

– Еще не канцлер, – Деймон отрезал все расшаркивания Артура. – Прошу прощения, но я и так здесь задержался. Вынужден откланяться.

Развернулся и ушел, оставляя меня и брата наедине в тени колонн.

Я оглянулась по сторонам. По залу все так же сновали люди, и никто из них даже не обратил внимание на небольшое происшествие в тени колонн.

– Что здесь случилось? – в мгновение стал серьезным Артур. – За что он извинялся?

– За то, что не поймал, – ровным голосом произнесла я и задала свой вопрос: – Почему никто не сказал, что он целитель? Это ведь важно.

Губы Арта на мгновение сжались в узкую полоску:

– Потому что сами не знали. Поверь, для меня это было такой же неожиданностью, как и для тебя. Видимо, Деймон Сакс старается не афишировать свои таланты.

– Настолько не афишировать, что помог мне? – я изогнула бровь.

– Значит, чем-то все же задела, – сделал вывод Артур. – Запомни чем именно и продолжай в том же духе.

– Пока я запомнила только то, что падать перед ним не стоит, все равно не поймает, – недовольно пробормотала я и встала с дивана. – Мне нужно в дамскую комнату. Ноги-то целы, а вот разорванные чулки лучше снять и выбросить.

Артур кивнул, соглашаясь.

– Только быстро. Скоро начнутся торги, – он махнул в сторону выхода из гостиной, показывая, что собравшиеся уже потихоньку покидают это помещение и стягиваясь к лестнице на второй этаж. Именно туда, где запланировано проведение аукциона.

Выяснив у одного из официантов, где находится дамская комната, я двинулась к противоположной от основного выхода двери, там миновала несколько метров по узкому коридору и узрела заветную табличку с треугольником-платьем.

В комнате с несколькими кабинками и огромным зеркалом перед умывальниками я оглянулась по сторонам и даже специально заглянула под двери кабинок. Убедившись, что никого нет, принялась быстренько стаскивать с себя рваные чулки. Можно было бы конечно запереться изнутри в кабинке, но возиться в тесноте рядом с унитазом не хотелось. Избавившись от первого, я принялась за второй. Дорогой шелк в некоторых местах пропитался кровью, а множество мелких дырочек лишало возможности хоть как-то восстановить изделие.

Я вспомнила, как в детстве вместе с Торани мы штопали старую одежду, когда другой не было, и на душе стало особенно противно. В этом золотом обществе это лишь рваный чулок, который проще выбросить, даже несмотря на то, что на его стоимость можно накормить похлебкой с десятков бедняков. Я отправила его в мусорную корзину. Еще раз взглянула на себя в зеркало, убедилась, что с лицом все в порядке, и приготовилась уйти.

В этот момент дверь дамской комнаты распахнулась, пропуская худенькую блондинку с длинными, словно в противовес общественной моде, выющимися волосами. На мгновение я замерла, встретившись взором с ее зелеными глазами, скользнула им по тонким ключицам, золотому ошейнику и красному шраму клейма.

Застыла и она. Тень узнавания промелькнула на ее лице:

– Л-лоор-ри? – выдохнула сестра.

Я же в несколько мгновений приодолела разделяющие нас метры, зажала Лизе рот рукой и вместе с собой затолкала в ближайшую кабинку. Она не сопротивлялась моей неожиданной грубости, подчинилась скорее в растерянности, лишь зрачки расширились от удивления:

– Молчи, Лиз, – прошипела я, глядя ей в глаза и понимая, что у меня у самой вот-вот хлынут слезы. Мне хотелось ее обнять, схватить в охапку и как можно быстрее вытащить из Квартала, но вместо этого я зажимала ей рот, чтобы не выдала ни меня, ни себя. – Да, это я, но запомни – мы не знакомы. И никогда не встречались. Я найду способ все объяснить позже, просто поверь, я здесь ради того, чтобы вытащить тебя!

Ее зрачки расширились еще сильнее, казалось, они вот-вот поглотят всю радужку, настолько это не естественно выглядело.

– Не бойся, – шептала я. – Просто делай все то же, что и раньше, и ничему не удивляйся. Но главное, продолжай молчать.

Она кивнула, и я медленно опустила руки, удерживающие ее, и тут же отстранилась на расстояние, которое позволяла тесная кабинка.

– Мне пора, Лиз, – приготовившись открыть дверцу и уйти, с сожалением произнесла я, вкладывая в голос всю горечь от произошедшего в прошлом. – Верь мне, и я найду способ вытащить тебя отсюда.

В последнее мгновение сестра удержала меня за руку, больно сжав за предплечье. Она заставила еще раз взглянуть в свои изумрудные глаза и, несмотря на мой запрет, заикаясь, спросила:

– Н-наша мам-ма ж-жива?

Я кивнула.

– И Торани, и Аластар. С ними все в порядке. Вы скоро будете вместе, – пообещала я и все же высвободилась из цепкого захвата, а после пулей вылетела из кабинки и дамской комнаты.

– Что с тобой? – спросил Артур, едва я добралась до него. – Ты словно привидение увидела?

– Можно и так сказать, – мой голос едва заметно подрагивал. – Сестру.

Его рука державшая меня под локоть заметно напряглась.

– Вас кто-нибудь видел? – голос мужчины звучал спокойно, но я знала насколько это обманчивое ощущение. В голове Артур уже просчитывал варианты возможных проблем.

– Все в порядке, – поспешила успокоить его я. – Мы были одни, и столкнулись совершенно случайно. Лиз не выдаст нас, чтобы не случилось.

– Очень на это надеюсь, – пробормотал он, но я все равно слышала в его голосе нотки беспокойства. – Предлагаю уйти, – неожиданно произнес мужчина. – Все идет не по плану, на который мы рассчитывали изначально. Сошлемся на твое плохое самочувствие и покинем Квартал.

Я нахмурилась. Желание Артура перестраховаться на всякий случай мне было понятно, но и уехать сейчас казалось весьма странным решением.

– Никто и не рассчитывал, что будет легко, и с ходу удастся очаровать Сакса, – возразила я. – По крайней мере нам удалось с ним познакомиться, а это уже неплохо. Что же касается твоего желания уехать, тебе не кажется, что будет подозрительно, если мы сбежим с мероприятия, получить приглашение на которое мечтает едва ли не каждый житель Панема? Как бы

мне ни было противно здесь находится, но лучше пройти этот день до конца, как и было запланировано, чем вызвать ненужные пересуды ранним отъездом.

Артур смерил меня невеселым взглядом, и, казалось, прочел все эмоции, кипящие внутри. Я могла сколько угодно храбриться вслух, но он-то знал, что по-настоящему я в не меньшем смятении чем он. Я могла прикрываться заверенным в Арсамазе планом действий, в реальности же просто хотела убедиться, что Лизу сегодня не купят. Что еще на год она точно останется в Квартале, в относительной безопасности. И пусть ей дальше придется пропускать через себя грязные мысли и фантазии богатых клиентов, но это лучше чем в одночасье лишиться силы и надежды на истинное счастье.

Когда-то ее матери, Торани, уже удалось вырваться из лап Квартала, значит, и у Лизы получится, и я приложу для этого все усилия.

Я первая шагнула к лестнице, ведущей на второй этаж, Артур последовал за мной.

Аукцион проводился в большом зале, раньше явно бывшим просторной гостиной. Теперь здесь была импровизированная сцена и несколько десятков стульев, на которых расположились будущие покупатели. Сидячих мест, правда, оказалось гораздо меньше чем гостей, поэтому мне и Артуру пришлось отойти к дальней стены. Но так даже лучше. Открывался прекрасный обзор на богатых толстосумов, готовых побороться за эксклюзивное развлечение.

Таких как мы, без стула, здесь оказалось много. Артура тут же отвлек кто-то из деловых партнеров и заставил отойти от меня на несколько метров, ради обсуждения важных дел.

Я же заметно нервничала. Руки сами неосознанно потянулись к сумочке и достали мундштук с портсигаром. Пока пыталась заправить в трубку сигариллу, нечаянно сломала ее, едва ли не распотрошив. Да так, что прессованные листья табака шелухой осыпались на ковер. Дамочка лет сорока, стоявшая рядом и дымящая не хуже паровоза, снисходительно наблюдала за моими попытками справиться с этой не сложной задачей, пока не выдержала издевательств над табачной продукцией:

– Давайте помогу, – предложила она, мягко забирая у меня из рук мундштук. – По вам видно, мисс...

Она вопросительно глянула на меня.

– Харрисон, – подсказала я.

– Так вот, – продолжила она томным голосом. – По вам видно, мисс Харрисон, что вы только начинаете постигать искусство курения. А это именно искусство, деточка!

Я рассеянно кивнула. Мадам выглядела претенциозно, странно, и в то же время, весьма изящно. В ней была видна леди старой закалки, из тех, кто не менял своих вкусов вместе с новыми веяниями моды, оставался верен себе, и шел напролом к своим целям. Даже наряд был на ней из прошлой эпохи – изящное платье, подчеркнутое черным корсетом с алыми вставками, широкая шляпка и меховой воротник из песка, окутывающий шею.

– Анжела Сильвер, – представилась она, протягивая руку для рукопожатия, а после повертела в руках мой портсигар с сигариллами и вернула обратно, следом доставая из сумочки собственные. – Запомните, мисс Харрисон, если вы курите в стремлении быть ближе к моде, то бросьте это дело. Искусственный пафос еще никого не сделал привлекательным. Ежели вы хотите травиться дымом ради чего-то иного: того, что требует ваша душа, найдите свои сигареты. Свой запах, свой особый табак, – она раскрыла портсигар, где ровным слоем лежали ряды разноцветных сигареток, явно с разными вкусами. Анжела достала бордовую и ловко заправила в мундштук. – Отчего-то мне кажется, что вы – вишня, мисс Харрисон. Знала я когда-то одну вишню, лет двадцать назад... – в ее голосе появились горькие нотки сожаления и грусти, от которых она тут же будто отряхнулась. – Но мы сейчас не об этом. Возьмите и попробуйте.

Она вернула мое имущество обратно, и я с сомнением поднесла трубку ко рту. Леди Сильвер чиркнула зажигалкой и выжидательно уставилась на меня.

– И все-таки, вы стопроцентная вишня, – когда я выдохнула первые клубы, констатировала она. – Редкий типаж женщин.

Я могла только пожать плечами. В типажах женщин я точно разбиралась плохо, но вот мнению этой странной женщины почему-то верила. От нее веяло располагающей к себе добротой. В отличие от остального контингента, собравшегося здесь, Анжела Сильвер не вызывала во мне волн антипатии, скорее наоборот.

– Сейчас начнется ярмарка тщеславия, – как-то невесело произнесла она, обращая мое внимание на сцену, куда как раз выходил распорядитель. – Интересно, во сколько миллионов в этом году оценят девичьи слезы.

Я с опаской покосилась на нее.

Дамочка не просто озвучивала крамольные мысли, она не боялась этого делать в открытую. Здесь, в Квартале, перед незнакомкой, которую видела в первый раз. Да кто она, черт возьми, тогда такая?

– Дамы и господа, – зычный голос седовласого франта разнесся по залу. – Рад приветствовать всех вас здесь, в святая святых, где собраны жемчужины красоты Панемского Государства, – он махнул рукой и потайная дверь за его спиной открылась. Одна за другой, вереницей вышли девушки-суккубы. Я насчитала двадцать восемь, и Лиз была среди них. Распорядитель продолжал: – Богини, хранящие свою непорочность для истинной любви. Быть может это кто-то из вас! – он заговорчески подмигнул сидящим на стульях. Там, в первых рядах я заметила рыжего Кранмерда, чуть поодаль – Деймона Сакса. – Напомню главные правила вечера. Каждый присутствующий может оставлять ставки лишь на ту девушку, с которой до этого у него была ночь иллюзий. Во избежании, так сказать, хитростей со стороны наших очаровательнейших Богинь.

Какое лицемерие! Я так плотно сжала челюсти, что зубы заныли от глухой боли.

– Утром... – распорядитель подвел к себе одну из суккубов и пальцем заставил ее приподнять подбородок, и, как на демонстрационном материале, показал. – Утром вы обязаны снять с девушки ее очаровательное кольцо и вернуть украшение в Квартал, а свою гостью отпустить с причитающимися ей дивидендами.

Я все же скрипнула зубами. Вернувшийся Артур, ободряюще погладил по плечу. Мне следовало лучше сдерживать себя, но спокойствие с каждой минутой давалось мне все с большим трудом.

– Итак, начнем! – помощники вытащили к распорядителю трибуну и вручили молоток. – Первый лот – мисс Брайна Ашторс.

Из рядов иллюзорниц выступила миловидная шатенка, она была слегка полновата, но что-то мне подсказывало – вес дамочка наедала не просто так.

Распорядитель же принялся нахваливать Брайну, расписывая все ее достоинства, в конце озвучил цену:

– Начальная ставка – тридцать миллионов!

Я едва не подавилась. Артур не шутил, когда говорил, что здесь за ночь прожигают состояния. Баснословные деньги, феерически огромные.

Зал же молчал, желающий прикупить ночку с мисс Ашторс не нашлось. Тянуть дальше, выжидая, распорядитель не стал:

– Следующий лот, – объявил он. – Мисс Симона Лэнд.

Сценарий повторялся. Суккубов расхваливали, но покупателей не находилось, а вот стоимость начальных ставок все возрастала.

– Мисс Лизабет Фокс, – прозвучал голос ведущего, и я вздрогнула. – Дочь покойного миллиардера Аластара Фокса. Судьба изрядно потрепала бедняжку во время войны. Она голодала, ютилась по сараям, спасая свою жизнь, но к счастью – наши доблестные солдаты нашли ее и спасли от ужасной участи, быть убитой вражеской пулей. Уже несколько лет мисс Фокс

живет в тепле и уюте Квартала, и как вы можете убедиться, – ее красоту и изящество не смогла повредить даже война. Чего, к сожалению, нельзя сказать о голосе. Лизабет нема, но это скорее ее милая изюминка, чем недостаток. Ведь мы, мужчины, знаем, как порой раздражает женская болтовня!

По залу раздались смешки. Большинство шутку явно оценило.

– Цена – сорок пять миллионов!

Нервно впилась пальцами в руку Артура, наверное завтра там останутся синяки. Я не смотрела на мужчин-толстосумов, размышляющих над тем, готовы ли они отстегнуть целое состояние за ночь с Лизой, я смотрела сестре в глаза. Так же, как и она в мои.

Казалось, мгновения растянулись в вечность, прерванную голосом распорядителя:

– Следующий лот – мисс Маранда Старк!

Лиза сделала шаг назад, а из толпы суккубов вышла кукольного вида брюнетка с огромными, по-детски наивными глазами. Мужчины на стульях оживились. Многие приосанились и уставились на распорядителя в ожидании цены. Тот не стал тянуть, расписывая достоинства милашки. Видимо, их и так все прекрасно знали:

– Пятьдесят миллионов!

Что тут началось.

– Пятьдесят один!

– Прибавляю!

– Пятьдесят пять!

Ставки выкрикивались одна за одной, я же следила за реакцией несчастной. С каждым повышением цены она едва заметно вздрагивала, понимая, что ее судьба на сегодня уже решена, вопросом оставалось – лишь с кем она уйдет.

– Сто миллионов, – лениво бросил кто-то, и все обернулись на Председателя Совета управления. Свою ставку Фредерик Кранмерд произнес с победным выражением лица, явно с удовольствием перебивая всю игру своим конкурентам.

В зале воцарилась тишина. Лишь стук молотка...

– Сто миллионов, раз. Сто миллионов, два. Сто миллионов...

– Сто пятьдесят! – со стула встал Деймон Сакс, оглядел весь зал, остановился взглядом на Кранмерде и спросил, словно бы у всех, но я почему-то поняла, что адресовано это Фредерику. – Кто больше?

Скрип зубов рыжего, казалось, услышали все.

Три новых удара молотка, и Миранду Старк подтолкнули со сцены прямо в руки покупателя.

– Продано! – возвестил распорядитель, а у девчонки же из глаз брызнули слезы.

Дальнейшая ее судьба была словно никому не интересна. Объявили следующий лот, и зал потонул в новой схватке торгов. Казалось только я, слежу, как двое – Деймон Сакс и еще совсем девчонка Миранда, покидают зал

– Взгляни на это иначе, – произнесла Ангела, прочитав эмоции, бурлящие у меня внутри. – Завтра она обретет свободу, пускай через боль и слезы.

Я перевела взгляд на нее. Плохой из меня выходил шпион, если абсолютно незнакомый человек разгадал меня за две минуты.

– Когда я впервые оказалась на этих торгах, то плакала. С какой стороны не посмотри, но для женщин это тяжелое зрелище. Ты еще вполне сдержанно себя ведешь, – подбодрила она.

– Вы здесь каждый год бываете? – почему-то спросила я.

Она кивнула.

– Положение обязывает, уже многое повидала. Вот помяни мое слово – Кранмерд сегодня тоже не уйдет один. Эти двое всегда уходят не одни.

Анджела как в воду глядела. Своя суккуба досталась и Фредерику. Пусть и дешевле, но он выкупил финальный лот. “Вино с выдержкой” – как выразился распорядитель, ту самую рыжую с потускневшим от времени клеймом.

Кажется, она была даже рада.

Хотя это было не удивительно. Неволя, пусть и в золотой клетке, ломает. Я была даже не уверена, что сама смогла бы стойко выдержать десяток лет в этом месте и не свихнуться.

– И все же, не понимаю, – пробормотала я. – Какой смысл покупать девственниц, пусть и суккубов, ради одной ночи? От того, что они видели фантазии сотен мужчин, они не стали опытнее в постели, да и неужели самим мужчинам понравится бесчувственное полено в постели, либо отбивающаяся и заплаканная жертва.

Я надеялась, что ответ мне даст Артур, но вместо него, сопроводив свои слова злым саркастичным смешком, ответила Анджела:

– Ты удивишься, когда с возрастом узнаешь, какие ужасные вещи порой возбуждают мужчин. Меньшее и самое безобидное из них – женские слезы во время секса. Что же касается неопытности суккуб, то в этом весь и смысл. Быть первым, отобрать добычу у соперника, показать, кто главный на этом празднике жизни, – она махнула рукой в сторону уходящих со сцены иллюзорниц. – Заметь, по итогу купили самых дорогих, как и в прошлом году, и все сезоны до этого. Даже не будучи гадалкой, я уже сейчас могу сказать, кто уйдет с торгов в следующий раз.

– И кто же? – сердце пропустило удар, ведь я прекрасно поняла, куда клонит госпожа Сильвер.

– Немая Лизабет Фокс, и вторая... Все время забываю ее имя, – Анджела зажмурилась, прищелкивая в воздухе пальцами, явно пытаясь вспомнить. – Да, в принципе, и не важно. Эти двое точно, возможно, еще кто-нибудь третий присоединится, если мужчины решат быть особенно щедрыми.

Огромных сил стоило сохранить лицо. Выходило, что на освобождение Лизы у меня двенадцать месяцев, если не меньше. И время пошло...

– Аманда! – невмешивающийся до этого в наш разговор Артур, решил что самое время напомнить о своем существовании. – Торги закончились, мы можем ехать домой.

С Анжелой распрощалась как-то смазано, обменявшись лишь формальными фразами. Отчего-то мне казалось, что это не последняя наша встреча. Если госпожа Сильвер знала так много обо всех вокруг, то наверняка очень часто появлялась на светских мероприятиях.

Уже на выходе из особняка, в огромном холле, мы вновь столкнулись с Фредериком Кранмердом. Рыжий готовился отбыть из Квартала вместе со своей “покупкой”. Он по-хозяйски лапал бедро девушки, сильно прижимая ее к себе, заставляя едва ли не склониться к нему ухом, в которое что-то жарко нашептывал. Судя по бледному лицу суккубы, рада она уже не была.

Мы с Артуром проходили мимо, когда до меня долетел обрывок фразы:

– А потом возмись за твои хорошенькие ушки и натянущи этот покрашенный ротик до самых яиц. И только попробуй блевани, сучка! Будешь сосать так, чтобы отработать за ночь, каждый вложенный в тебя медяк!

Я дернулась в их сторону, но Артур силой удержал меня за предплечье.

– Сцепи зубы и иди дальше, – натянуто улыбаясь, процедил он. – И помни, зачем мы здесь. Ей ты уже ничем не поможешь.

Нехотя и, буквально выжимая из себя подобие улыбки, я двинулась дальше. Но кто бы знал, как хотелось развернуться и расцарапать лицо этому мерзавцу. А лучше убить... наверное, будь у меня в сумочке револьвер...

Садясь в машину, я все еще сдерживала себя, хотя эмоции рвались наружу, а щеки пылали.

Видя мое состояние, Артур вдавил педаль в пол. Одними из первых мы покинули Квартал.

– Я ведь предупреждал, что следовало уехать раньше, – произнес он, глядя на дорогу не мигая.

Ему было немногим лучше моего, а во многом даже хуже. Просто его готовили к подобной работе и учили самоконтролю с детства, но даже это не отменяло того спектра эмоций, который он сегодня пропустил через себя. Еще и я своей несдержанностью добавляла.

Менталист и этим все сказано.

Нет, Артур не умел читать мысли, как заверяли слухи бродивших вокруг этого дара. Он просто чувствовал эмоции окружающих, эмпатия на тонком уровне, мог определить истинные чувства человека, или навязанные иной магией.

Исключение было только одно – на магию суккубов его дар не срабатывал, но это не мешало ему чувствовать наши переживания.

– Ты почти сорвалась, – сказал он, когда мы подъехали к дому. – Твоя импульсивность может погубить нас.

– Но ведь ты сам слышал, какие гадости он говорил ей.

– Я больше чем слышал. Считаю, я это прочувствовал: от его возбуждения, до ее страха. Вот только помочь мы ей ничем не можем, даже если очень захотим!

Я опустила взгляд вниз и теперь бездумно разглядывала автомобильные коврики под ногами.

– А если он убьет эту несчастную. Он же псих! Кто знает, какие там у него еще желания на эту ночь.

Боковым зрением я видела, как Артур полностью повернулся ко мне, потянулся, чтобы развернуть лицом к себе, приподнял мой подбородок пальцем и посмотрел в глаза.:

– Я понимаю, что тебя к заданию готовили в суматохе, за несколько недель, и всех тонкостей не знать ты можешь. Но про магические контракты ты ведь должна была слышать?

Я кивнула. Были раньше такие. Можно сказать, на них держалось общество и власть Панема. Кто нарушал контракт, того постигала страшная кара – полная потеря воли и фактическое рабство в пользу второго участника контракта. Вот только генерал Сакс, когда пришел к власти, объявил магические договора вне закона едва ли не первым указом.

– Контракты запрещены! – уверенно произнесла я.

– Гражданским запрещены, но в интересах государства... – многозначительно протянул Артур. – А суккубы – это именно такой интерес. Их заставляют подписывать документы об услужении клиентам, но любой договор подразумевает обратные уступки. Суккубам гарантируется содержание и безбедное существование во время жизни в Квартале, и денежное довольствие, плюс сохранение жизни после того, как они Квартал покинут. Взамен на иллюзии, полное неразглашение даже случайно узнанной информации из сознания клиента, и... девственность. Исключение только одно: если интересы Государства окажутся выше!

– Например? – я ухватила за призрачную лазейку для Лизы.

– Даже представить себе не могу, – пожал плечами Артур. – Но, возможно, Панем все же рассчитывал или рассчитывает, когда-нибудь использовать суккубов в качестве шпионов. И тогда дача показаний в интересах Государства вполне вероятна.

– Такими темпами скоро больше не останется суккубов, – говорила я зло. Пускай, все это варварство в Квартале назвали цивилизованным словом – аукцион, но по факту это было очередным уничтожением иллюзорниц. Истребление популяции, просто более медленное и извращенное. – Еще пара десятков лет, и некого будет использовать!

– Я бы не был так уверен, – неожиданно возразил Артур. – Например, в Квартале уже несколько лет нет тех, кто уже имел связь по любви и родил дочерей. Где они, нам неизвестно. А ведь способности все еще при них.

Я нахмурилась, пытаюсь представить, чтобы могла означать эта информация.

– А дочери?!

– А дочери тут. Подрастают в Квартале. Первые вот-вот приступят ко “взрослой работе”. Быстро прикинула в уме новую, изменившуюся картину мира. Что же выходило?

Молодые девственные суккубы в Квартале, а те, кто постарше, не пойми где, и даже не известно, живы ли вообще. Хотя, наверняка, живы. Зачем просто так убивать тех, кого можно использовать много десятков раз?

Меня передернуло от пришедшей на ум мысли.

Что, если эти несчастные попали в сексуальное рабство к таким уродам, как Кранмерд? Иллюзорницы, которые уже никогда не потеряют талант, и которых можно мучить бесконечно.

По спине пробежали мурашки.

– Вот именно поэтому я был против, чтобы ты ехала, – неожиданно произнес Артур. – Ты вся фонтанируешь эмоциями и абсолютно не умеешь их скрывать, а это угроза всей операции.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурилась я.

– Любой случайный менталист раскусит тебя на раз-два, как нечего делать. Если мы не знали, что Деймон Сакс целитель, то кто поручится за то, что среди его окружения нет таких же, как и я? Мы ходим с тобой по лезвию ножа, крошка Лю, и если я это делаю хотя бы в ботинках, то ты танцуешь босиком!

Мой взгляд потупился. Артур был стопроцентно прав. На аукционе я вела себя непростительно неосторожно, была открытой книгой даже для незнакомых людей, а ведь если я провалю задание, тогда у Лиз точно не будет никакой надежды на свободу. У меня, впрочем, тоже.

– Обещаю, что стану более осторожна. Буду сдержана, улыбчива, любезна и мила до зубовного скрежета.

– Этого мало, – отрезал Артур. – Флора играла дурочку настолько убедительно, что порой даже я верил в ее непродолимую тупость.

– Что ж, тогда разбиться в автомобиле по пьяни весьма достойное завершение ее гениальной актерской карьеры, – вспыхнула я. – Флора явно переиграла в погоне за убедительностью.

Слушать то, как Артур отчитывает меня, а ее хвалит, мне не нравилось. Впрочем, сейчас в этом не было никакого смысла. После того, как меня представили в Квартале Аmandой Харрисон, на задании могла остаться только я.

– Нам придется изменить линию твоего поведения, – со вздохом то ли предложил, то ли констатировал Артур. – Только так твои эмоции будут более или менее естественными даже для менталиста.

Я вопросительно глянула на него, молча ожидая, что же он предложит.

– Будь собой, прочь жеманные улыбки и ужимки. Максимальная естественность в рамках своей легенды. Тебя проще выдать за умную, притворяющуюся душой, чем за истинную идиотку.

На лице невольно возникла легкая улыбка:

– Сочту это за комплимент.

– Ты даже сейчас соображаешь чересчур быстро для обычной богатенькой дочурки магната. Впрочем, это огромный плюс! Будешь выгодно выделяться на фоне остальных золотых барышень высшего света. Деймон Сакс нам сегодня явственно продемонстрировал, как он относиться к подобным дамочкам. Весьма и весьма пренебрежительно.

Я кивнула:

– Значит, я по-прежнему ищу выгодного замужества, но теперь торгуя не только личиком, улыбкой, аппетитными формами, но и умом?

– Примерно так, дорогая, – подтвердил Артур. – А теперь нам пора домой. Мы и так уже подозрительно долго беседуем в автомобиле. Сегодня это не критично, но уже завтра нужно будет подобрать прислугу в дом, и я почти уверен, кто-нибудь из Совета Управления обяза-

тельно подойдет своих людей к нам в ближайшее окружение. А шпионы, поверь, будут докладывать хозяевам о каждой нашей странности.

Поморщилась, как от зубной боли, вспоминая, что завтра мне действительно нужно будет заняться подбором персонала. Столичный особняк Томаса Харрисона до моего приезда пустовал за ненадобностью, а Артур, работая в столице, предпочитал снимать номера в отелях. Но когда в город приехала я, его любимая сестрица, настало время привести дом в божеское состояние.

В конце концов, возможно, наше задание потребует проведения громких вечеринок на собственной территории, а, значит, нужно было соответствовать уровню здешней богемы уже сейчас. Правда, я бы с удовольствием никого не нанимала и предпочла и дальше свободно общаться с Артуром, хотя бы дома.

– С завтрашнего дня все важные переговоры, – инструктировал он, – только в моем кабинете или спальне. В любых иных местах – мы брат и сестра. Аманда и Грегор Харрисоны.

Артур говорил еще очень долго, напоминая мне о десятках рабочих мелочах, довел до моей комнаты и уже у самых дверей, перед тем как оставить меня одну, произнес:

– Прости, если был сегодня с тобой груб, крошка Ло, – он положил мне руки на плечи и легонько притянул к себе, чтобы обнять. – Просто ты мне как сестра, и я очень за тебя боюсь.

Мое сердце пропустило гулкий удар, а я устало ткнулась носом в пахнущую терпким парфюмом широкую грудь.

– Отдыхай, крошка Ло, – его губы едва слышно коснулись моей макушки. – Спокойной ночи.

– И тебе, – пробормотала в ответ я.

Уже в комнате, лежа в постеле, я долго думала, разглядывая потолок, о том, что Артур в одном все же ошибался. Не всеми эмоциями, которыми я фонтанировала, были и те, что научилась тщательно скрывать уже долгие годы. Прятала в душе и не желала выдавать одному очень близкому мне менталисту.

Я любила Артура Огюста Франца – сына главы разведки Арсамазской империи...

Глава 3

Девушка, сидящая напротив, смиренно сложив руки, рассказывала свою биографию, показывала рекомендации из других домов и очень надеялась на работу горничной в нашем доме.

Но я, как назло, не могла сосредоточиться на ее словах. В голове витали совершенно не относящиеся к делу мысли и воспоминания о том, как я впервые познакомилась с Артуром.

Когда меня с родителями только привезли в Арсамаз, тут же доставили в госпиталь. Первого, кого увидела, была Виктория, второго – Огюста Франца, и третьего – его сына Артура. Помню, как он вошел в палату, вид его при этом был весьма недовольный. Поставил у кровати букет простеньких цветов и со всей ответственностью заявил:

– Отец послал меня сидеть с тобой. Имей в виду, мне совершенно не хочется этого делать, потому что для таких малолеток, как ты, можно было бы найти сиделку и среди медицинского состава!

Отчетливо помню, что надулась тогда как индюк, препиралась с ним целый день, требовала, чтобы он ушел, посылала куда подальше. Злилась, в конце концов, даже ненавидела его в тот момент. Разбила вазу с цветами...

А спустя год я узнала, насколько хитро Артур провел маленькую дурочку.

Его отец был лучшим менталистом страны, полезное качество для главы разведки, и ему хватило минуты общения со мной, чтобы понять, какие суицидальные мысли меня одолевали, а после принять превентивные меры.

Я же страдала. В моей голове тогда была целая каша эмоций: вина за похищение Лиз, душевная боль за ее утрату, осознание правды о том, что я приемная дочь. Весь этот коктейль смешивался с физической болью от раны в спине, полученной при взрыве, и с каждой минутой на меня все больше и больше накатывало желание умереть.

Артур же выдернул из этой пелены, переключил на другие эмоции, дал выплеснуться накопившейся злости. В этом он признался сам, когда уезжал на два года на военную подготовку в другую часть империи:

– Ты мой самый лучший друг, крошка Ло, – потрепал он меня по макушке, при этом тепло улыбаясь. – Никогда бы не подумал, что смогу так привязаться к какой-то малолетке.

Я хмурилась и дула щеки. Мне не нравилось, что он называл меня крошкой, ведь между нами было всего три года разницы. Еще больше мне не нравилось, что Артур уезжает на целых два года. Так уж случилось, что парень оказался единственным более-менее подходящим мне по возрасту собеседником среди всех окружавших взрослых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.